BiG Green

Зеленая поваренная книга

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

BiG Green
Зеленая поваренная книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73525443
SelfPub; 2026

Аннотация

«Зелёная поваренная книга» – это не сборник рецептов, а записки о семье, времени и взрослении.

О подгоревшей яичнице, детских вопросах и мужской растерянности перед жизнью.

О том, как быть отцом, сыном и мужем – и попытаться не потеряться.

Немного иронии.

Немного философии.

И много вопросов.

Содержание

Пролог	4
Завтрак холостяка	6
Обед холостяка	13
Ужин холостяка	19
Пролог 2	27
Завтрак молодожена	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

BiG Green
Зеленая поваренная книга

Для Амелии и Настеньки
С любовью, папа.

Пролог

Слушай, друг.

Иногда мне кажется, что на жизнь лучше всего смотреть не изнутри, а сбоку. Как на спил дерева. Стоит себе пенёк – простой, неприметный. Если провести по нему ладонью, чувствуешь кольца. Их много. Они похожи. День за днём, год за годом – всё вроде бы правильно, всё как у всех.

Пальцы скользят, и вдруг ловишь себя на странном ощущении:

а за что тут держаться?

Ты водишь рукой, ищешь что-то неровное, что-то такое, что выбивается. Что-то, что может охарактеризовать меня

, как человека…

полновесного, цельного. И уже почти бросаешь это занятие – когда вдруг ловишь занозу. Глупую, случайную, болезненную.

И вместе с этой занозой почему-то вспоминается первый

поцелуй. Не самый важный. Не самый красивый. Может, вообще в щёку. Но именно он остался. Не потому что был особенным – а потому что тогда ты был живой.

Со временем руки грубеют.

Грубеет и всё остальное.

Ты привыкаешь к тому, что дни идут, люди исчезают, а мир как будто живёт своей жизнью – где-то отдельно от тебя. Ты смотришь на это, киваешь, делаешь вид, что понимаешь, и идёшь дальше.

Иногда кажется, что так и должно быть.

Но заноза не даёт покоя.

Ты пытаешься её вытащить – а пальцы уже не такие чуткие, как раньше. И вместо того чтобы избавиться от боли, только глубже её чувствуешь.

И тогда впервые приходит странная мысль:

а вдруг жизнь – это не то, что с тобой происходит, а то, что остаётся?

Ты ещё не знаешь, что с этим делать.

Ты ещё не умеешь об этом говорить.

Ты просто живёшь и зачем-то всё это запоминаешь.

Наверное, с этого всё и начинается.

2000 год

Завтрак холостяка

Холостяцкий завтрак существует только в воскресенье. В будни – кофе на бегу и сигарета вместо еды. А в субботу «утро» начинается ближе к полудню и заканчивается в холодильнике: открываешь дверцу, морщишься на свет и лечишься бутылочкой пятиградусного «жидкого хлеба». Всё, что сложнее, требует лишних движений, а лишние движения в субботу – это издевательство.

Но воскресенье – другое. В воскресенье завтрак начинается с пробуждения.

У каждого своё утро: у кого-то с трезвона будильника, у кого-то с нежного поцелуя в лоб. У меня – с «Creedence» и их «Fortunate Son». До этого на будильнике стояла «Metallica» с «St. Anger» – жестоко, скажу я вам, просыпаться под вопль Хэтфилда. Временами думал, что ещё одно такое пробуждение закончится сердечным приступом

Просыпаться я не люблю. Выход из сна – ежедневная неприятная процедура: продрать глаза, понять, что в доме холодно, тело ещё где-то в анабиозе, а мягкая подушка не собирается отпускать к этому миру, который с утра всегда груб и без спроса жесток. В такие минуты хочется не вставать вообще. Провалиться в кому – и лежать там до старости, пока во сне есть горы, пиво, женщины и мотоциклы, а наяву – только ты.

Сгоняет меня с кровати одна вещь: курево. Я люблю курить больше, чем ещё десять минут нежиться под одеялом.

Натягиваю портки и – как ни крути – ловлю себя на мысли, что каждый сын наследует повадки своего родителя. В детстве я видел, как отец выходил на балкон, щурился на солнце, затягивался и почесывал промежность через карман на «причинном месте», чем доводил маму до белого каления. Теперь я делаю то же самое: выхожу в усадьбу, запихиваю в рот сигарету и, по старой семейной традиции, пересчитываю яйца – пока не удостоверюсь, что оба они на месте и за ночь количество не убавилось.

Есть в этом странное удовольствие. Не сексуальное. Просто такое, будто проверил, что мир ещё держится на своих болтах и его еще не сорвало с резьбы.

Оправился, умылся, глянул в зеркало – всё, пора ставить завтрак. Кто-то умный когда-то сказал, что порядок в жизни начинается с оптимизации быта. Смешно. Оптимизация быта у меня начинается с того, что я ищу чистую сковороду.

Чистой сковороды конечно же нет.

Каждые утро удивляюсь этому факту, но не настолько, чтобы мыть её каждый вечер. В глубине души я уверен, что это моё проклятье: хоть новую купи – распакуешь, а там уже засохшие макароны и прогорклое масло. «Ничего, – говорю я себе. – Чем грязнее сковорода, тем сытнее еда».

Включаю плиту. Ставлю чайник. Сковорода нагревается и начинает пахнуть застывшим животным жиром – запах,

который одновременно и противный, и родной. Как гараж: воняет, но приятно.

Из холодильника извлекается святой набор воскресенья: три яйца, копчёная колбаса, кусок грудинки, перец и соевый соус.

Соевый соус нынче делают какой-то неестественный – просто соленая коричневая бурда в бутылке. Я научился доводить его до нормального вкуса: гранатовый сок, чуть сахара, взболтать. Всё это, конечно, звучит как высокие материи, но это не кухня – это попытка, чтобы хоть что-то было «как детстве».

Важный ингредиент завтрака – позитивное настроение. Ничто так не поднимает его, как рок-н-ролл золотых пятидесятых. Сегодня под руку попалась Дайана Росс с «Where Did Our Love Go». Когда в колонках шуршит старый рок-н-ролл – и ты уже не просто одинокий бобыль в семейниках, а человек, который умеет быть счастливым просто так: пританцовывать у плиты, дирижировать лопаткой, вилять задницей, изображать, что жизнь ещё может быть лёгкой.

Колбасу и грудинку режу кубиками и кидаю в сковороду. Сразу начинается шкварчание – ароматное, домашнее, жирное. Свинина темнеет, отдаёт жирок, воздух наполняется копчёным запахом, и слюни текут быстрее, чем мысли.

Аппетит рождается не во время еды. Аппетит рождается вот на этой на грязной сковороде.

Когда терпеть уже невозможно, разбиваю яйца. Сковорода у меня, как обычно, «с характером», яйца норовят прилипнуть ко дну, поэтому огонь повышаю до уровня ацетиленовой горелки и начинаю мешать – быстро, энергично, пока эта болтушка не схватилась намертво.

Глазунью я ем редко. У меня вообще весь стиль приготовления зависит от чистоты посуды. Чистая – готовишь красиво. Грязная – готовишь быстро.

В армии у нас был парень с Сахалина, погоняло у него было Самовар. Он однажды рассказал, как делает яйца, когда лень: постирал вечером носки, засунул туда три яйца и повесил над батареей. Батареи топили так, что они, кажется, могли светиться в темноте. К утру получалось: нижнее яйцо – «вкрутую», два верхних – «всмятку». Вот такая общажная гастрономия. Звезды Мишлен, конечно, молча курят в сторонке.

Болтушку снимаю, накрываю крышкой – пусть дойдёт. Теперь кофе.

Кофе я варю как умею: турка, молотый, кипяток, дождаться пенки, ещё немного подержать. И каждый раз, помешивая, думаю об одном и том же: почему в любом помоле есть зерна, которые не хотят оседать и плавают сверху, как будто им неприятно быть как все? Те самые, что потом скрипят на зубах и портят впечатление.

Мой брат – Ворон – варит кофе лучше. У него получается так, будто он реально знает секрет.

В детстве он воровал из батиного пайка банки с кофе, смешанным со сгущёнкой, и ел ложкой. После пары банок его невозможно было угомонить – бешеная белка. Потом он вырос и подсадил меня на этот напиток.

Кофе готов. Пора сервировать стол – то есть сдвинуть немытые тарелки на другой край и сделать вид, что так и было задумано.

Хлеб режу на весу над мусорным ведром – чтобы крошки потом не подметать по всей кухне. Достаю две пиалы: в одну – соевый соус, во вторую – маринованный лук, который я делаю сам: жгучий перец, масло, чуть уксуса, соль. Это у меня вместо жареного лука. В деревне дядя научил: такой лук отбивает запах спирта на раз.

Было бы сейчас лето – можно было бы свежим огурчиком побаловаться. Люблю запах свежих огурцов. У мамы был огуречный крем для рук – всё босоного-голожопое детство этим кремом пропахло. Даже воспоминания о подзатыльниках.

И вот, наконец, сажусь есть.

Открываю очередную книжку о Джеке О'бри, и и окунаюсь в тёплый ветер южных морей, солёный морской юмор, сплетения марсов и брамселей. В юношестве как-то пропу-

стил мимо себя приключенческую литературу и сейчас с удовольствием наверстываю упущенное, читая все напропалую: об индейцах и ковбоях, пиратах и сокровищах, африканских сафари и диких львах.

Люблю читать за столом. Женщины этого терпеть не могут. Они считают, что если ты читаешь и не наслаждаешься их обществом – значит, ты не интересуешься их жизнью.

А я отчаянно не понимаю, почему нужно разговаривать именно тогда, когда у тебя полон рот. С детства учили: «Когда я ем, я глух и нем». Про «слеп» никто не говорил.

Ломаю хлеб. Макаю в соус. Кладу сверху маринованный лук. Вилкой подцепляю мясо с яйцами – и запиваю добрым глотком кофе. Жир, соль, кислота, горечь – всё как надо. Всё честно.

Пока ем, из колонок горланит невероятный Том Джонс. Мне думается, что Том может силой своих лёгких накачать колесо от БелАЗа. Всегда завидовал людям с явным талантом – тем, кто с детства умеет рисовать, петь, хорошо двигаться. Не обладая никаким из явных талантов, страшно мучился при выборе ВУЗа. Умей я петь – точно бы поступил в Гнесинку, стал бы хард-рок-кантри-фолк-блюзменом и умер бы в тридцать пять от цирроза. Эх… Мечта, а не жизнь.

В какой-то момент отрываюсь от раздумий и просто смотрю вокруг. Тишина. Пустой дом. Немытые тарелки. Запах остывающего жира и легкая дымка в свете апрельского солн-

ца.

И на секунду, совсем на мгновение мне кажется, что я может быть даже и счастлив. Вот так: с яичницей, музыкой, кофе и воскресеньем.

И на этих позитивных нотах заканчивается яичница, а с ней – завтрак.

Обед холостяка

Обед обычно случается с понедельника по пятницу – с часу до двух. Абсолютно не понятно, почему именно в рабочие дни? Смею предположить, что в выходные я просто не обедаю, как и подавляющее большинство сознательных мужчин.

В субботу обеденное время пропадает либо в попытках осмыслить пятничный запой, либо весь световой день с бутербродом во рту пытаешься перебрать планетарку у отцовского УАЗика. А в воскресенье парко-хозяйственный день: моешь, стираешь, гладишь и прибиваешь. Одним словом, в выходные не до обеда.

А вот в будни обед – святое. Единственный официальный промежуток, когда можно без угрызений совести залезть в соцсети, устроить пять минут "важной переписки" или тупо покрошить коллег в контру с наглой мордой: «а что? обед же».

Обед начинается с вечной фразы:

– Ну что… война войной, а обед по расписанию!

Мне нравится думать, что даже в конторской тоске у меня осталось что-то родное позабыто-армейскому, солдатско-привальному и тушоночно-котелковому . Хотя если честно, в армии я не то чтобы «обедал» – я, скорее, иногда

успевал за сорок секунд проглотить что-нибудь горячее между нарядом и очередным “подъёмом-отбоем”. Наверное поэтому в армии – это называется «прием пищи», на смакование времени нет.

Раньше по нашему зданию блуждала бабка с баулом – чебуреки и какие-то полуфабрикаты. Чебуреки были жирные, пахли так, что можно было простить им всё, кроме одного: они были холодные. Полуфабрикаты же выглядели как серое, слизистое прошлогоднее “что-то”, отдаленно напоминающее котлету рядом с картофельными комочками, уныло называемым «пюре». Я однажды всерьёз подумал, что их греют не в микроволновке, а под мышкой у агонизирующего больного – чтоб тёпленькое было плюс минус 40 градусов.

Сейчас же бабку вместе с баулом наши архаровцы на проходной запретили и приходиться стоять в очереди к кулеру с «Дошираком» в руках. Девчонки из бухгалтерии, весело щебеча, заливают воду в неприлично сладкий кофе. Обедать они, наверное, будут каким-нибудь домашним пирогом с бифидойогуртом и шоколадкой на десерт. Сколько ни пытался напроситься к ним на обед, чтоб поесть хоть что-то нерастворимое, они всегда оставались непреклонными: то, что происходит в бухгалтерии в обеденное время за закрытыми дверями, – священная и строго охраняемая тайна каталогов «Орифлейм».

Отстояв очередь и получив свою порцию кипятка, сажусь

за рабочий стол и наблюдаю, как набухает лапша в пенопластовой емкости, с подложенным под неё кирпичным магазинным пирожком – глупый способ, за неимением микроволновки, сделать его чуть более теплым, чем кусок сланца. К слову сказать, «кирпичность» пирожка проявляется не только в мягкости теста, но и в форме, вкусе и цвете несчастного гастрономического выродка.

Кофе – растворимый, в чашке, которой, кажется, никто никогда не мыл до меня. Унылая белая совково-фарфоровая чашка с оранжевым цветочком – она досталась в наследство от предыдущего сотрудника. Тот, уверен, тоже получил её по наследству. Переходящий кубок офисного отчаяния. Если эта чашка когда-нибудь разобьётся, я, наверное, даже расплачусь.

Смотрю на этот обеденнный набор и внезапно становится так жалко себя, что рука сама тянется к мышке: надо включить что-нибудь максимально жалостливое из подросткового прошлого. Кулио. “Gangsta’s Paradise”. Это ведь идеальная музыка для того, чтобы торжественно запивать пластмассовую лапшу кофе со вкусом кислого разочарования.

И ведь было время, когда я хотел не сидеть в конторке, перекладывая бумажки из лотка в лоток, а открыть незаконно-пиратское рок-н-рольное радио. Вещать хиты прошлых лет на весь город. Между песнями читать манифесты Сартра, выдержки из Паланика и куски из Хэмингуэя. Ночью ка-

таться на чоппере в каске под Хищника и чувствовать себя героем собственного фильма.

А ещё я хотел написать роман – такой, чтобы от него людям хотелось жить. И чтобы потом – остров, пальмы, одиночество, а мне приносят нобелевку, а я скромно прячусь от поклонников, как Сэлинджер. И чтоб экранизация – сразу у всех: Скорсезе, Нолан, Иствуд, Спилберг, Земекис, Тарантино. Шесть режиссёров и один я – «гений»!

Кулио допевает куплет, и я понимаю две вещи. Во-первых, радио мне не поднять – не хватит смекалки и дисциплины. Во-вторых, роман, который спасёт человечество, я не напишу – не хватит таланта и фантазии. Поэтому остаётся действительность. Пенопласт. «Кирпич». Кулер. Лотки с договорами.

Я всегда крошу лапшу перед тем, как залить кипятком. Не из эстетики – из необходимости. Ношу галстук. Длинная лапша под галстуком – это прямой путь к мокрому пятну на груди и к унижению перед коллегами. А так: покрошил, залил, подождал, откинулся, закинул галстук на плечо и можно работать ложкой уверенно и без брызг.

Пожелал коллеге напротив приятного аппетита. Это обязательная офисная вежливость: мы ведь тут не звери, мы тут просто плохо питаемся.

И, конечно, когда ешь такую еду, нужно хоть каким-то органом восприятия отстранится от поглощаемого ужаса

грядущего гастрита. Иначе не вывезешь. Поэтому открываешь “Ютюб” или “Вконтакте”, находишь старые армянские мультфильмы про Масленицу – и начинаешь есть на автопилоте, макая гастрономического выродка в красный бульон.

Съел. Выпил горячую жижу с уголка плошки – осторожно, чтобы не обжечься и не почувствовать вкус пластика сильнее, чем он того заслуживает. На дне осталось то, что называется «соевые ошмётки якобы мяса». Всё, обед завершён.

Остаётся кофе. Будь он горячим, он хотя бы притворялся кофе. Но кипяток из кулера почему-то остывает с такой скоростью, будто стесняется своей температуры. Может, у нас вода специальная – офисная, быстроостывающая.

Берёшь чашку. Хватаешь коллегу. Идёшь на крылечко – там солнце, там воздух, там можно на пять минут почувствовать, что ты живой.

И вот что странно: единственное натуральное в обеде холостяка – это никотин и летнее солнце. Всё остальное – суррогат. Между разговорами про тачки, планы на пятницу и очередную «нормальную жизнь с понедельника» выкуриваешь сигарету, запиваешь бурдой из наследственной чашки – и делаешь это автоматически.

Изо дня в день.

И не замечаешь, как жизнь становится похожей на холодный растворимый кофе: то, что должно было согревать и бу-

доражить, теперь просто вызывает отвращение.

Ужин холостяка

Ужин. Он случается только в пятницу. Без вариантов, без компромиссов и без «давай пораньше домой». В пятницу ужин – это не еда. Это ритуал.

В остальные дни ужин не имеет художественной ценности. С понедельника по четверг ты, как идиот, пытаешься напроситься к очередной подруге «на поесть» – с понятным предложением и неприличным продолжением. Иногда складывается ощущение, что в нашем городе нормально готовить умеют только моя мама и поварихи в столовой «АЛРОСА». Остальные по вечерам превращают еду в бытовую иллюстрацию к слову «компромисс»: что-то липкое, круглое, рисовое, с рыбой – и, пожалуйста, считай, что ты счастлив.

Почему именно суши? Наверное, потому что это выглядит культурно и не требует мозгов: открыл коробку, выложил на тарелку, поставил свечку, включил какой-нибудь сериал – и можно делать вид, что у вас романтика. А у меня на это аллергия. На романтику «из коробки».

В субботу ужина как такового нет: либо кино с барышней и попкорн на двоих из одного ведёрка, либо очередной командный забег в «Call of Duty» до утра. В воскресенье бабушка наверстывает всё, чем не накормили на неделе, – холодец, суп из потрохов, пирожки, рыба. Но бабушка – это отдельная религия, я уже где-то про неё писал.

Так что остаётся пятница.

Холостяцкий пятничный ужин должен быть таким, чтоб на утро складывалось ощущение садистского удовлетворения: будто вчера вечером убил последнего единорога, сбросив на него атомную бомбу, которую сам же и оседлал.

В пятницу после обеда я всегда пытаюсь уговорить себя не пить. Примерно так:

«Всё. Сегодня без литрбола. Сижу дома. Печеньки. “Хищник” со Шварцем. Максимум – косячок с соседом. И всё. Денег сэкономлю. И печень перестанет стучать в рёбра».

Параллельно я делаю вид, что работаю: качаю фильмы на выходные, обновляю ленту, переписываюсь с теми, с кем потом всё равно не встречусь. А часы идут так медленно, будто офисный планктон придумал отдельную физику времени: с двух до шести – вечность.

Вырвался. В холле коллеги уже кучкуются в предвкушении.

– Эй, юр. отдел сегодня снизойдёт до простых клерков?

– Юр. отдел сегодня без денег, поэтому идёт домой и «сосёт брандспойт»!

Снисходительный хохот. Тут лучше самому себя унизить, нежели потом они за глаза будут называть тебя высокомерной сволочью – корпоративная этика, мать её.

Дома первым делом включаешь музыку – что-нибудь бод-

рое, желательно из «AC/DC». Телефон автоматически встаёт на зарядку, открытый на ленте «Вконтакте» – это рефлекс: ты ещё «не пьёшь», но уже должен знать, кто и где сегодня «не пьёт» вместе с тобой.

Фоном по телеку начинается Шварц. Потный бицепс, М-16, подствольник – святыня тестостерона. В восьмидесятые, кажется, брали актёров по принципу «чтобы убедительно выглядел, когда спасает мир», а не только «чтобы охватить все социальные группы, включая мечтательных задротов и обиженных на жизнь эстеток».

Пытаюсь смотреть фильм. Жру печенье со сгущёнкой – студенческая привычка, которую не лечит ни возраст, ни стыд. Пишу СМС подругам.

На «Приветики :) где сегодня отдыхаешь?» отвечаю гордо:

«Грин сегодня пушистый. Грин дома. Грин дрессирует щенка».

Вот ведь лживая сволочь, думаю я. И в этот момент мне даже кажется, что я реально останусь дома.

Но тут звонит телефон. Мелодия «House of Pain» – значит звонят из группы «Козырные дружбаны». Да, у меня контакты разложены по папкам, как документы в суде: «Козырные дружбаны», «Образцовые самцы», «План Б», «Рабочие гоблины»… Когда-то это казалось смешным. Сейчас – диагноз.

– Алло? – говорю я голосом человека, который уже в пижаме и духовно на пенсии.

– Слышь, поехали поужинаем!

– Не-е-е, пацаны, я пас.

– Да ты нужен. Мужикам срочно надо: консультация. По теме.

– А завтра нельзя?

– Завтра поздно. Им завтра отвечать.

Шах и мат. Не помочь товарищу – западло. И не важно, какая там «тема»: если прокатил – запомнят навсегда, и в следующей жизни тоже.

Одеваешься.

«Одеваюсь» – громко сказано. Находишь рубашку, которая не выглядит как вещдок из дела о поножовщине бомжей. Если бы была зима, всё решал бы мороз: вывесил на улицу на двадцать минут, побрызгал освежителем – и ты снова приличный человек. Летом начинаются проблемы: воротники, пятна, запахи, следы жизни.

Носки – отдельная трагедия. Я могу не стесняться худых плеч или большой головы, но мысль о порванных носках рядом с женщиной сводит меня с ума. Поэтому у каждого думающего холостяка носки только чёрные: любой носок любому – пара. Это экономит время и нервы. А значит – продлевает жизнь.

Джинсы, кроссовки – униформа. В клубе пустят, бежать

удобно, драться тоже.

За мной заезжают пацаны на такси. Уже по одному этому понятно, что «культурно посидим» – ложь. Никто на своей колымаге ехать не рискнул. Значит будет долгий ужин.

Едем в «таджичку». Это не гастрономия – это атмосфера. Грязноватая, дешёвая, темная. Там всё в кучу: шатающиеся столы под пленкой, бутылочки с уксусом, гирлянда как новогодняя надежда на счастье, огромные порции и пролетарское пиво.

Я беру шурпу и что-нибудь мясное. Пиво можно сразу из холодильника у стойки – это приятно: алкоголь не заставляет ждать себя сорок минут, как в пафосных местах. Шурпа приходит в глубокой пиале с узором – жирок, пар, запах. Отламываешь лепёшку и начинаешь хлебать, разговаривая одновременно о делах, бабах и машинах – три вечные темы, которые не умрут даже в аду.

Суп – это вообще лучшее лекарство от будущего похмелья. Горячий бульон с похмелья – как поцелуй матери в расцарапанный локоть: не лечит, но облегчает.

Доели. Заказали ещё пива. Потом кто-то говорит:

– Чё, куда дальше?

И всё. Начинается миграция. Пятничный вечер – это всегда поиск «где живее». И ты сам не замечаешь, как уже едешь туда, куда клялся не ехать.

Клуб. Берём диванчик. С возрастом появляется странная потребность в комфорте: диван в клубе – это как признание того, что ты больше не активный и бедный участник движухи, а «мудрый» и состоятельный наблюдатель.

Заказываю виски и фруктовую тарелку – не потому что голоден, а потому что стол без еды выглядит сиротливо, а фрукты – универсальная наживка для залётных разговоров. Девушку проще угостить долькой мандарина, чем пытаться обаять своей эрудированностью.

Через десять минут вокруг начинают появляться женщины: знакомые, полузнакомые, чьи-то подруги, кто-то «на минутку», кто-то «ой, привет». Начинается конвейер: подсела – посмеялась – выпила – исчезла. Номера телефонов уходят в категорию «план Б» автоматически. После пятого стакана ты всё равно запоминаешь не мысли и лица, а ноги, бёдра и то, что движется в свете софитов.

И вот среди этого круговорота я вдруг вижу знакомую походку. Не лицо – походку. Не знаю, как объяснить: у некоторых женщин шаг записывается в память глубже, чем имя.

Горло перехватывает знакомой горечью. На секунду хочется пойти искать приключений у мужского туалета, потому что пьяная агрессия – это иногда самый простой способ почувствовать себя живым. Но в этот раз во мне всё-таки остаётся кусочек трезвости. Я не иду.

Я остаюсь сидеть. Пью. Слушаю музыку, которая уже не

музыка, а гул. И ловлю себя на том, что мне снова одиноко – среди людей, среди смеха, среди света.

И тут я делаю типичную ошибку пятницы.

Самбука.

Пузатая рюмка, кофейные зёрна, огонь, эффект, понты. Сверху ещё что-то энергетическое – чтоб сердце хоть что-нибудь вспомнило, а мозг – забыл совесть.

Последнее, что я помню – как у меня сводит скулы от широкой улыбки, и я начинаю дрыгать телом на танцполе, искренне считая, что это танец.

Сознание возвращается ко мне на дамбе. Предрассвет. Проблески неба над трубами ГРЭСа. И тот странный автопилот, который каждый раз тащит меня сначала за чизбургером, а потом сюда, – на скамейку, смотреть на рассвет и делать вид, что в моей жизни есть что-то глубокое и требующее осознания.

На этот раз я не один.

Рядом сидит она. Та самая. Босая, растрёпанная, мокрая. И вид у неё такой, будто она тоже не очень понимает, где закончилась ночь и когда именно началась взрослая жизнь.

В голове всплывают обрывки: фонтан, бутылки, какие-то глупые подвиги, ритуальные сожжения выпавших накладных ресниц, «спайдермер поцелуи» на турнике, смех, беготня, стыд. Всё это – как чужая хроника.

Она кладёт голову мне на плечо и устало выдыхает.

– Хорошо погуляли, – говорю я.

– Ага… – отвечает она. – Ешь давай и поехали спать.

Я смотрю на оранжевое солнце, вылезающее из-за горизонта. И почему-то мне спокойно. Не счастливо – нет. Спокойно. Как будто мир на пять минут перестал требовать от меня быть кем-то.

Кладу в рот мягкий, остывший чизбургер. Это последнее блюдо моего пятничного ужина.

Пролог 2

В тот год мне исполнилось целых четыре с половиной года. Мама улетела доучиваться в Хабаровск, отец с ранней весны до поздней осени был на полевых работах, а поскольку я за последний год сильно достал своих бабушку и дедушку, меня отправили в интернат. И поделом мне – неугомонному «электровенику» в шортиках с заплатками и кожаных сандалетках.

Ведомственный интернат для детей работников СВХМ, он же круглосуточный детсад № 101, находился там, где сейчас расположен комплекс «Онтарио». В наше время круглосуточный детсад – нонсенс, а тогда это было в порядке вещей. Родители отдыхали от своих детей, меньше нянчили и баловали – не в том смысле, что недолюбили. В то время я изначально знал, что родители меня любят – это было само собой разумеющимся. Просто я понимал, что им некогда носиться со мной и младшим братом, который занял моё место в колыбели у бабушки с дедушкой.

В интернате было больше свежего воздуха и друзей-сверстников, самостоятельность тоже развивалась. Мне до сих пор кажется, что любой ребёнок, хоть год проживший в интернате, даёт сто очков вперёд любому домашнему ребенку в части поедания на скорость манной каши с комочками, уборки постели, завязывания шнурков, поддержания

порядка в ящичке и чистки зубов. Не подумайте, это был далеко не концлагерь. Просто воспитатели относились к карапузам с большой душой и превращали любое действие в игру. Но если ты провинился, то могли и в угол поставить, или заставить помогать девчонкам-врединам мыть посуду и вытирать пыль, а ещё могли вынудить прочитать стишок про дедушку Ленина перед всей группой. И твои слёзы, рёвы и угрозы не имели никакого значения. Воспитатели – это же не мама с папой, которые от каждого твоего писка нервно вздрагивают.

Мне в этом месте нравилось. Очень нравилось. Там я впервые узнал простые истины: девочек бить нельзя, и даже за косы нежелательно дёргать; как терпеть боль, улыбаясь сквозь слёзы, ведь мальчики не плачут, а то получишь прилипчивое звание «Рёва-Карёва»; появился первый лучший друг, который мог бескорыстно делиться со мной любимой машинкой; что значит взять на себя чужую вину за разбитый цветочный горшок; как вступиться за слабого, а за это получить в нос от рослой девочки из старшей группы; что такое уговор-клятва и стыд за то, что не сдержал слово; как работают порядок, дисциплина, расписание, неотвратимость наказания и болючие уколы в попу. А самое главное – тогда впервые в жизни я понял, зачем женятся на девочках.

Временами бабушка с дедушкой на выходные меня не забирали, и я оставался в интернате с небольшой кучкой дру-

гих таких же «невостребованных» ребятишек. И это мне тоже очень нравилось: игрушек было завались, можно было не спать всю ночь, никто не мешал, большие пустые спальни, окна с нарисованными зубной пастой снеговиками, можно было бегать куда угодно, даже в чужие группы, и такая яркая, выразительная и непривычная тишина вокруг, будто неведомая тайна спряталась где-то недалеко. А ещё можно было кушать всё, что угодно – обычно повара, наверное, из жалости к таким, как мы, спрашивали, что приготовить. Конечно, яичницу с колбасой, потому что это взрослая еда. А если тётя Нина, старшая повариха, была в хорошем настроении, то и тортик из сгущёнки и вафель можно было выпросить.

И вот в один из таких выходных к нам пришла новая воспитательница – Зинаида Васильевна. По всей видимости, её как новичка в коллективе поставили дежурить все выходные. Сейчас-то, просматривая групповые фотографии, я понимаю, откуда у меня такая страсть к сероглазым блондинкам. Зинаида Васильевна – с длинными белыми волосами, серебряными глазами, высокая, улыбчивая и очень-очень добрая.

Дети любят новых людей, особенно если они интересуются их жизнью, водят хороводы, не ругают по пустякам и учат чему-нибудь новому, например, новым играм. Целый день мы катались с ледяной горки, лепили снеговиков, учились прыгать со скамейки в сугроб, гонялись за белкой, играли в «Цепи-кованы!», читали сказки про дедушку Ленина и его

две руки, смотрели диафильм «Аленький цветочек». В общем, я впервые ощутил привязанность к женщине, которая не являлась моей мамой.

Наше первое свидание произошло в тот же вечер. У меня была привычка не спать допоздна, и когда становилось скучно от сопящих носов вокруг, я брал подушку и по обыкновению ходил пить чай в воспитательскую. Старые воспитатели привыкли к моим ночным «загулам» – наливали чай с какой-нибудь вкусняшкой и болтали со мной, пока я не засыпал на кушетке.

У детей энергии больше, чем у взрослых. Точнее, её плотность выше в маленьком теле. После целого дня игр моя первая любовь клевала носом над книжкой. И тут заявляюсь я – в майке, трусах и с подушкой, которая чуть-чуть меньше меня самого, – с ярким намерением познакомиться ближе. Не понимая, почему я всё ещё не сплю, Зинаида Васильевна трижды укладывала меня спать, а я с упорством возвращался, пока она устало не сдалась и не усадила меня пить сладкий чай с козинаками. Как же в детстве всё было просто! Заявись сейчас я в таком виде к малознакомой девушке… трудно даже представить последствия.

Болтали мы долго, почти до полуночи. Я рассказывал о себе, о том, что очень люблю яичницу с колбасой и недолюбливаю Вику Галактионову, о том, что мама с папой улетели

далеко-далеко, не знаю куда, и я их очень жду, о том, как бабушка печёт вкусные оладьи, и о том, сколько у меня братьев и сестёр, а ещё о том, что Гошка Баланов – дурак.

А Зина… Она разрешила мне называть себя просто Зиной, потому что я никак не мог выговорить полностью её имя и отчество. И при каждой моей попытке сказать: «Зинаида Васильевна» – она переливисто смеялась.

Зина рассказывала про планеты и созвездия, показывая куда-то в тёмное заиндевевшее окно, и объясняла, что Луна – это шарик, и он просто кажется плоским, потому что находится далеко. А потом рассказывала про роботов – то ли это был вольный пересказ «Терминатора», а может, и приключения Электроника… не помню, но было очень интересно. А ещё о том, что нельзя называть Гошу Баланова дураком и вообще никого нельзя так называть.

Вот так прошло моё первое свидание. Даже дожив до седых волос, я понимаю, что ничего не изменилось. Всё один к одному, как в первый раз: стаканчик чего-нибудь тёплого, вкусняшка и беседа – вот тебе и свидание.

Так проходили день за днём. Встреча за встречей. Дед научил меня не спеша читать, и я перечитал сказки про Чиполлино, все произведения Корнея Чуковского (это мой первый любимый писатель), даже начал было читать газеты с новостями, но это было скучно. А потом всё мною прочитанное я пересказывал Зине, иногда теряя нить повествова-

ния и перепрыгивая на другую сказку, к примеру, когда Колобок почему-то убегает от Синьора Помидора. Или просто нагло выдумывал – Мойдодыр вдруг оказывался киборгом и всех грязнуль перестреливал, выхватив полуметровый пистолет из умывальника на груди. А она смеялась – переливисто, красиво, звонко. Зина была первой девушкой, которая смеялась над моими нелепыми байками.

Возвращаясь после интерната домой, я говорил только о ней – мол, Зина такая весёлая, много знает, научила меня завязывать шнурки в бантик, а не просто засовывать в кеды. И почему-то все решили, что Зина – это моя одногруппница.

Дед, хитро ухмыляясь, как-то подошёл и сказал:

– Тойом, нравится тебе Зина?

– Нравится.

– А ты женись тогда на ней.

– Деда, а это как?

– Ну, чтобы она всегда рядом была.

– А что нужно сделать?

– Подойди и просто скажи: «Я на тебе женюсь».

– И всё?

– И всё.

– И тогда она будет всегда-всегда рядом?

– Всегда…

Вот тогда я и призадумался. Зина мне нравилась: она кра-

сивая, носит мне конфеты, если поцарапаюсь – дует на ранку, никогда не ругается, много смеётся, и я хочу, чтобы она всегда была рядом, потому что я по ней скучаю. Чёрт! Точно! Ничего с тех пор не изменилось.

И вот настал понедельник. «Я на тебе женюсь» – бормотал я всю дорогу к интернату, держа деда за руку. «Я на тебе женюсь» – словно заклинание, что поможет быть вечно с Зиной. Зайдя внутрь, с порога побежал в воспитательскую, крича: «Зина! Зина! Зи-иии-наааа!». Перепуганная моими воплями, выскочила и подхватила меня на руки моя первая «невеста».

– Зина! Я на тебе женюсь! – запыхавшись, выдавил я. – Ты теперь будешь всегда со мной!

Вы бы видели лицо моего деда в этот момент – ошарашенное возрастом своей предполагаемой невестки. Хорошо, что «невеста» оказалась не такой пугливой.

– Жениться хочешь? И даже ни разу не поцеловал, – Зина скорчила расстроенное личико.

– Не-а! Только девчонки целуются. Давай так… без поцелуев.

Тут оттаял мой дед и решил поправить свою нелепую ошибку:

– Э-эээ. Не-е. Тойом, я же думал, вы уже целовались. А без поцелуя жениться нельзя. Совсем нельзя.

– Ну-у, Де-е-ееда. Мне что, нужно прямо совсем цело-

ваться? – вспоминая папу с мамой, когда они думали, что их никто не видит.

– Ишь чего?! Мал ещё! Вот подрастёшь – будешь целоваться, а потом женишься.

– Деда, а сколько расти?

– Недолго, – взяла в свои руки инициативу растроганная и во весь рот улыбающаяся Зина, перемигнувшись с моим дедушкой. – Я подожду.

– Ну-ка скажи тёте Зине, что, когда вырастешь, ты обязательно на ней женишься.

– Зина. Я обещаю, честное-пречестное слово, женюсь. И ты будешь всегда-всегда рядом, как моя мама.

Этой кульминации ждали все воспитательницы, собравшиеся вокруг нас. После произнесённых мной слов раздался взрыв хохота – хохотали все: мой дед брызгал слезами из-под очков, Зина смеялась, качая меня на руках, и я смеялся, потому что искренне думал, что все вокруг радуются нашей будущей свадьбе.

Отсмеявшись, успокоившись и проводив деда, я разделся и переобулся. После чего Зина повела меня, гордого и радостного, в группу.

– Зина, ты ведь всегда будешь со мной?

– Всегда.

Я любил Зину и любил, когда она меня держала за руку –

тогда я меньше падал.

Завтрак молодожена

Завтрак у вновь женившегося мужика, до недавнего времени считавшего себя заядлым холостяком, внезапно перестаёт быть привилегией воскресенья. Он, как оказалось, может случаться в любой день недели – и чаще всего тогда, когда у тебя меньше всего сил на философские размышления. Это зависит от двух вещей: от настырности будильника и от чуткости сопящей под боком Зазнобы, которая слышит даже то, как я под одеялом осторожно переворачиваюсь на другой бок.

Про понедельник рассказывать нечего – в понедельник разогревают то, что осталось со вчера. А вот вторник – другое дело. Вторник – это такое «осознанное» начало недели, когда уже нельзя прикрываться фразой «я ещё не проснулся» и приходится делать вид, что ты взрослый.

Утром вроде бы и не холодно, но выбираться из постели не хочется всё равно. Во-первых, потому что постель – последнее безопасное место на земле. Во-вторых, потому что рядом лежит жена. Тёплая. Нежная. Живая.

Я, конечно, делаю свой традиционный супружеский, утренний «флирт» – пару минут пристаю без надежды на успех, исключительно из принципа. В ответ получаю короткое, сонное:

– Отстань…
И моё, такое же сонное, разочарованное:
– Ну тогда покорми…

Смешно. В холостяцкой жизни я бы наверное себе такое не позволил, а если бы даже и сказал, то слово «покорми» звучало бы как шутка. А вот в семейной – как простая просьба, без позы, без каприз. Но все-равно как-то неудобно. Благо, что Зазнобой эта неуклюжая просьба воспринимается как что-то само собой разумеющееся, от этого она странным образом становится нормальной.

Пока Зазноба, не открывая глаза, тянется к своей жизни на автопилоте, я выбираюсь, напяливаю баккы и иду умываться. По старой привычке, всё ещё чешу через кармашек яйца – и каждый раз думаю, мама бы сейчас наверняка поморщилась и сказала что-нибудь из серии «Как тебе не стыдно!», но я уже давно понял, что мошонка в охапке: это не про пошлость, это про уверенность, что ты всё ещё ты. Даже утром. Даже во вторник. Даже с кольцом на безымянном пальце.

На фоне, вместо рок-н-ролла, играет телевизор – сладковато-приторные новости на канале «лжи и пропаганды». Там кто-то кому-то вставляет пистон, и в голосе ведущего всегда есть какая-то обязательная бодрость, будто у нас в стране всё

чинно и правильно, просто «надо ещё немножко потерпеть». Я слушаю это вполуха, пока ставлю чайник, и ловлю себя на одной мысли: наверное, нет ничего успокаивающе-пустого, чем утренние новости.

И тут Зазноба появляется на кухне.

Полу-неприкрытая попка из под моей безразмерной толстовки, распущенные, волнистые волосы – это, честно говоря, один из самых убедительных аргументов в пользу семейной жизни. Ни на ком так не смотрится моя толстовка, как на только что проснувшейся нагой женщине.

Стою с кружкой у раковины и думаю, что раньше я приходил на кухню как хозяин своей холостой территории: знаю, где что лежит, знаю, что в холодильнике пусто, зато где-то есть соевый соус, банка пива и прогорклая горчица, купленная в порыве надежды на собственноручно пожаренный стэйк, который так и не случился. А сейчас я захожу на кухню словно гость. Причём гость, которого вроде как любят, но всё равно иногда хочется ткнуть носом в очевидное.

Потому что у жены в доме всё лежит «на своём месте». Просто это место не совпадает с моим представлением о порядке. И вот ты стоишь, взрослый мужчина, и минут пять ищешь ремень, который раньше всегда висел на ручке духовки, а теперь, оказывается, лежит «Ну вот же, вот!» – и ты чувствуешь себя одновременно беспомощным и счастли-

вым.

– Ты чего будешь? – спрашивает она, открывая холодильник.

Я, как человек, который ещё не привык к чуду выбора, отвечаю честно:

– А что поесть есть?

И сам понимаю, насколько это смешной вопрос. Потому что раньше ответ был прост: «есть нечего». Трудно привыкнуть к тому, что есть возможность выбора того, что съесть на завтрак: можно кашу или яичницу, салат опять-таки настрогают или просто французские гренки с колбасой.

– Ну… яйца есть, – начинает перечислять Зазноба.

– О! Тогда яишенку. И кофе нальёшь. Я пошёл машину заводить.

– С луком?

– Неа… – я делаю вид, что я всё ещё тот самый холостяк с принципами. – Если грудинка осталась – настрогай грудинки.

На улице я курю и прогреваю "микроб". И думаю о странном обмене, который случается с мужчиной, когда он женится.

Жена даёт тебе выбор во многом чего я был ранее лишен – не только в еде, но и в чистых рубашках, проведении досу-

га, который уже не ограничивается банальным пьянством, но взамен она лишила меня морального права выбора женщины, поскольку это право я уже использовал, надев на безымянный палец символ супружеской верности и человеческой преданности.

Ты уже выбрал, Гринуля. И этот выбор теперь не мысль, не чувство, не романтика. Он физический: ключи на одной связке, два телефона у одной розетки, два пары ног под одеялом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.